

УЧЕНИЕ СВТ. ГРИГОРИЯ НИССКОГО О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СЛОВЕ

Г. В. ДЬЯЧЕНКО

В данной статье демонстрируется релевантность православной догматики для лингвистики и шире — гуманитарных наук. Разрешение проблемы слова (λόγος) свт. Григорием Нисским является той соответствующей запросам современного антропоцентричного языкознания метафизической платформой, которая позволяет выработать адекватную лингвистическим фактам теоретическую модель и конкретизировать методологию и практики их анализа. Автор выясняет фундаментальное значение аналогии свт. Григория от слова человека к Слову Божию для выяснения специфики нашего слова. Данная аналогия позволила св. отцу указать на единство ума (νοῦς) и слова человека «по естеству» (κατὰ τὴν φύσιν) и на различие их «в подлежащем» (τῷ ὑποκειμένῳ). На этой основе исследователь определяет слово как *явление ума в имени*. Также в статье характеризуется неипостасность слова человека, которое не существует отдельно от его ума. Данный факт имеет решающее значение для определения лингвистикой собственного предмета исследования. Анализируется комплексная познавательная-выразительная способность ума человека, выступающего в качестве слова. Кроме того, показана умная этиология имени, выступающего, согласно свт. Григорию, чувственным «образом» (τύπος) мысли. Семантическое отношение имени и мысли заключается в связи *явления* (φανερωσις), представляющей собой соответствие «по образу». Автор статьи отмечает необходимость более подробной концептуализации лингвистических следствий из богословско-философского учения о слове свт. Григория Нисского, имеющих высокую значимость для всей гуманитарной мысли.

В ходе полемики с арианом Евномием свт. Григорий Нисский (331 — после 394) сформулировал особую модель познания и именованья человеком Бога и мира. Разрешение проблемы слова (λόγος) христианским мыслителем является той соответствующей запросам современного антропоцентричного языкознания¹ мета-

¹ Антропологический парадигмальный «переворот» в современной лингвистике и его методологические проблемы наиболее масштабно освещаются в работах В. М. Алпатова (Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26), Ю. С. Степанова (Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998), Е. С. Кубряковой (Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия РАН. Серия лит. и языка. 1994. Т. 53. № 2. С. 3–15), В. З. Демьянкова (Доминирующие лингвистические теории в конце XX в. // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 239–320.), А. В. Вдовиченко (Грекоязычные библейские тексты в предметной и дискурсив-

физической платформой, которая позволяет выработать адекватную лингвистическим фактам новую теоретическую модель и конкретизировать методологию и практики их анализа². На тот факт, что «когнитивная революция» в лингвистических взглядах на смыслообразование состоялась не в XX в. в работах Н. Хомского, а на 17 веков раньше в творениях святых отцов Церкви, обратил внимание уже А. В. Вдовиченко³. В данном исследовании рассмотрим те аспекты учения святителя о слове (λόγος), которые касаются соотношения в нем мысли и имени.

Наличие слова (λόγος) в человеке для свт. Григория Нисского обусловлено наличием Слова (Λόγος) в Боге. Человек имеет ум (νοῦς) и слово (λόγος) в силу того, что является «подобием подлинного Ума и Слова (μίμημα τοῦ ὄντως νοῦ τε καὶ λόγου)»⁴. К экспликации соотношения ума и слова в человеке святителя приводит потребность прояснить отношения Ума и Слова в Боге: «Как о своем слове (τὸν λόγον) говорим, что оно от ума (ἐκ τοῦ νοῦ), несовершенно одно и то же с умом (οὔτε δι' ὅλου τὸν αὐτὸν ὄντα τῷ νῷ) и не вовсе иное с ним (οὔτε παντάλασιν ἕτερον); поелику оно от ума (τῷ μὲν γὰρ ἐξ ἐκεῖνου εἶναι), — то есть нечто иное, а не ум (ἄλλο τι καὶ οὐκ ἐκεῖνό ἐστι); а поелику приводит в обнаружение самый ум (τῷ δὲ αὐτὸν τὸν νοῦν εἰς τὸ ἐμφανὲς ἄγειν), то не может быть представляемо инаковым от ума (ἕτερόν τι παρ' ἐκεῖνον), напротив того, будучи одно с ним по естеству (κατὰ τὴν φύσιν), инаково в подлежащем (ἕτερον τῷ ὑποκειμένῳ): так и Слово Божие по самостоятельности Своей отличается от Того, от Кого имеет ипостась (οὕτως καὶ ὁ τοῦ θεοῦ λόγος τῷ μὲν ὑφεστάναι καθ' ἑαυτὸν διήρηται πρὸς ἐκεῖνον, παρ' οὗ τὴν ὑπόστασιν ἔχει); а поелику показывает в Себе то же, что усматривается в Боге, то по естеству есть одно и то же с Ним, находимым по тем же самым признакам (τῷ δὲ ταῦτα δεικνύειν ἐν ἑαυτῷ, ἃ περὶ τὸν θεὸν καθορᾶται,

ной моделях описания. Дис. ... д-р. филол. наук. М., 2013) и мн. др. Тогда как базовый метафизический принцип традиционной парадигмы языкознания обозначается как чрезмерная *объективация* продуктов словесной деятельности человека за счет элиминации его как субъекта этой деятельности (см.: Вдовиченко. Указ. соч. С. 3–4).

² На противоречие между новой антропоцентричной теорией лингвистических фактов и старой объектно-структурной практикой их анализа указывает, в частности, А. В. Вдовиченко: «Факт явления семиотики, прагматики, когнитивистики, в которых по сути теоретизируется принцип “плавающей” системы координат, утверждает необратимость эволюции лингвистического знания в направлении отказа от “объективности” и “самотождественности” выделяемых предметных элементов. В то же время в лингвистических практиках (теоретизирование, лексикография, перевод, этимология, лингводидактика и др.) во многом сохраняются прежние способы концептуализации элементов “языка” — ввиду, как представляется, концептуального смешения “объектных” и “коммуникативных” воззрений, которые сущностно взаимоисключают друг друга» (Вдовиченко. Указ. соч. С. 5–6).

³ См.: Вдовиченко А. В. «Примышление» и «порождение»: Евномий и каппадокийцы о современных проблемах философии языка // Языковые параметры современной цивилизации: Сб. трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю. С. Степанова / В. З. Демьянков, Н. М. Азарова, В. В. Фещенко, С. Ю. Бочавер, ред. М., 2013. С. 314–321.

⁴ Свт. Григорий Нисский. Об устройении человека 5 // ТСО. Т. 37 (Ч. 1). С. 90 (De officio hominis // PG 44. Col. 137). Здесь и далее: ТСО = Творения святых отцов Церкви. М.: Типография В. Готье, 1861–1872; PG = Migne J.-P. Patrologiæ Cursus Completus. Series Græcæ. P., 1857–1866. Vols. 44–46; GNO = Gregorii Nysseni Opera/ W. Jaeger, H. Langerbeck, eds. Leiden: E. J. Brill, 1952–1996. 10 Vols.

ὁ αὐτός ἐστι κατὰ τὴν φύσιν ἐκείνῳ τῷ διὰ τῶν αὐτῶν γνωρισμάτων εὐρισκομένῳ»⁵. Важно указание свт. Григория на единство ума и слова человека «по естеству» (κατὰ τὴν φύσιν) и на различие их «в подлежащем» (τῷ ὑποκειμένῳ). Итак, слово (λόγος) происходит «от ума», оно «не вовсе иное с ним», «не может быть представляемо инаковым от ума», есть «одно с ним по естеству». С другой стороны, слово (λόγος) «инаково в подлежащем», «несовершенно одно и то же с умом», «нечто иное, а не ум». Данное единство и различие ума и слова (λόγος) в человеке обусловлено фактом «обнаружения» (τὸ ἐμφανὲς ἄγειν) словом ума, то есть тем, что λόγος *являет* νοῦς. Богословская перспектива делает очевидной всю сложность экспликации понятия слова (λόγος) средствами одной лингвистики.

На основании единства νοῦς'а и λόγος'а по естеству свт. Григорий характеризует происхождение слова от ума как «рождение». Из «рождения» человеческого слова (λόγος) от ума святитель «по аналогии» умозаключает о равнобожественности Слова (Λόγος) и Отца. «Сын именуется также и Словом (λόγος), во свидетельство того, что Он рожден (γεννητός), и дабы не признавали Его сотворенным (μὴ κτιστός). Ибо рождается, а не творится слово (λόγος γὰρ τίττεται ἀλλ' οὐ κτίζεται), произносимое устами (διὰ στόματος μὲν προφερόμενος), но приводимое в движение сердцем (ἐκ καρδίας δὲ κινούμενος). Свидетель мне Отец, который говорит: *отрыгну сердце мое слово благо* (Ἐξηρεύξατο ἡ καρδία μου λόγον) (Пс 44. 2). Свидетельствует вместе и Сын: *Из из уст* (ἐκ στόματος) *Вышнего изыдох* (Сир 24. 3)»⁶. Итак, признак «соестественного рождения», согласно свт. Григорию, лежит в основе самого именованя Сына Божия Словом (Λόγος). Слово (λόγος) «рождается», а не творится потому, что «изрыгается» из самого естества ума. Иными словами, ум, а не «произнесение» устами — подлинное начало слова (λόγος). Произнесение — лишь завершение в звуке его рождения от ума. Ум и слово (λόγος) как в человеке, так и в Боге единосущны.

Учение о «рождении» слова от ума содержит в себе указание не только на их единство по естеству, но и на различие. Уясняя различие ума и слова (λόγος), свт. Григорий останавливается на «тщательнейшем исследовании» того, что «означается (αὐτὸ τὸ σημαίνον) речением “рождение” (τῆς γεννήσεως)». В происшедшем от какой-либо причины святой философ замечает следующие различия: иное происходит от вещества и от искусства, иное — от вещества и природы, иное — от вещественного истечения. Наконец, «есть и другой кроме сих вид рождения (εἶδος γεννήσεως), которого причина невещественна и нетелесна (ἢ μὲν αἰτία ἄυλός ἐστι καὶ ἀσώματος), хотя самое рождение ощутительно и совершается с помощью тела (ἢ δὲ γέννησις αἰσθητή τε καὶ διὰ σώματος), — разумею слово, рождающееся от ума (τὸν ἐκ τοῦ νοῦ γεννώμενον λόγον); ибо ум, будучи сам в себе нетелесен, посредством чувственных орудий рождает слово (ὁ νοῦς διὰ τῶν αἰσθητῶν ὀργάνων τίττει τὸν λόγον)»⁷. Итак, нетелесный ум (νοῦς) — это причина

⁵ *Свт. Григорий Нисский*. Большое огласительное слово 1 // ТСО. Т. 40 (Ч. 4). С. 8–9 (Oratio catechetica magna // PG 45. Col. 16; GNO. Vol. 3.4: 11.12–22).

⁶ *Свт. Григорий Нисский*. Слово против Ария и Савеллия 9 // ТСО. Т. 44 (Ч. 7). С. 15 (Adversus Arium et Sabellium // PG 45. Col. 1293–1296; GNO. Vol. 3.1:80.27–81.2).

⁷ *Свт. Григорий Нисский*. Опровержение Евномия 2. 9 // ТСО. Т. 41 (Ч. 5). С. 308–309 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 505; GNO. Vol. 2: 349.11–15); см. также: Там же. 8.3 // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 114 (PG 45. Col. 780; GNO. Vol. 2: 196.18–23).

рождения слова (λόγος), а тело — средство его рождения. Слово (λόγος) по природе своей нетелесно, будучи единосущно уму, а в инаковом ему «подлежащем» (τῷ ὑποκειμένῳ) рождено телом. Таким образом, слово (λόγος) и ум совпадают в том, что в рождении слова нетелесно, и различаются тем, что в рождении слова телесно. Слово (λόγος) — это единство невидимого ума (мысли) и видимого имени, или единство являемого и являющего.

«Подлежащим» слова (λόγος), которым оно отличается от ума, являются звуки речи или буквы письма. В «Опровержении Евномия» свт. Григорий поясняет: «Для явления⁸ мысли (εἰς φανέρωσιν διανοίας) звук есть то же, что письмо (ταὐτὸν ὁ φθόγγος ἐστὶ τῷ γράμματι); ибо одинаково посредством того и другого мы выражаем мыслимое (τὸ νοηθὲν ἐξαγγέλλομεν)⁹; «равносильное употреблению голоса через примышление писмен изобретено обнаружение (мыслей)¹⁰ (ἰσοδυναμοῦσα τῇ χρήσει τῆς φωνῆς ἢ δι' ἐπινοίας τῶν γραμμάτων ἐξεύρηται δῆλωσις), ибо одинаково выражаем мысль, говорим ли, или пишем» (ἐπίσης γὰρ φθεγγόμενοι τε καὶ γράφοντες τὸ νοηθὲν ἐξαγγέλλομεν)¹¹. Обозначая слово (λόγος) со стороны его звуко-буквенного «подлежащего», свт. Григорий использует такие термины, как «имя» (τὸ ὄνομα), «наименование» (ἢ προσηγορία), «речение» (ἢ φωνή, ἢ διὰ τοῦ φθόγγου ῥῆσις, τὸ ῥῆμα), «речь» (ἢ λέξις), «говоримое» (τὰ λεγόμενα), «сказанное» (τὸ ῥηθὲν, τὰ εἰρημένα), «произносимое» (τὰ διὰ τῆς φωνῆς / ἤχου προφερόμενα, τὰ λελεγμένα ταῖς φωναῖς) и под. По определению св. отца, имя — это собственно «произношение слогов» (τὴν ἐν ταῖς συλλαβαῖς προφοράν)¹². Как верно выражает учение свт. Григория борец с ересью имяславия С. В. Троицкий, для имени «совершенно необходимы и голосовые органы, и материальная среда, в которой эти органы производят звуки. Имя без звука уже не будет именем, а будет лишь мыслью. В этом отличие имени от слова»¹³. Таким образом, в имени заключается «подлежащее» слова (λόγος), отличное от его умной природы. Именем, то есть звуко-буквенным «подлежащим», слово (λόγος) отличается от ума (νοῦς).

Имя по своей нетождественности умной природе слова (λόγος), согласно свт. Григорию Нисскому, выступает для нее «образом» (τύπος, τύπωσις). Святой отец указывает, что «мысль (τὴν ἔννοιαν) переводится¹⁴ (παράγοντες) в образ¹⁵ имени (εἰς ὄνοματος τύπον)¹⁶, что «умопредставляемое *переходит*¹⁷ в об-

⁸ ТСО: обозначения.

⁹ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 283 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 925; GNO. Vol. 1: 239.23–25).

¹⁰ ТСО: посему и изобретено равносильное с употреблением голоса выражение (мыслей) посредством писмен.

¹¹ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 348 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 980; GNO. Vol. 1: 285.19–22).

¹² Там же. 1.38 // ТСО. Т. 41 (Ч. 5). С. 229–230 (PG 45. Col. 437; GNO. Vol. 1: 201.13–18).

¹³ Троицкий С. В. Учение св. Григория Нисского об именах Божиих и имябожники / А. Ковтун, К. Шахбазян, сост. Краснодар, 2002. С. 99.

¹⁴ ТСО: облакается.

¹⁵ ТСО: форму.

¹⁶ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 342; (Contra Eunomium // PG 45. Col. 973; GNO. Vol. 1: 281.11–13).

¹⁷ ТСО: передается (нам) в образе.

раз имени» (τῆς ἐνθεωρουμένης εἰς ὀνόματος τύπον μεταβαίνουσης)¹⁸. Очевидно, что «образами» для мысли выступают все чувственные формы примышления, и имя — лишь одна из них¹⁹. Поэтому свт. Григорий сравнивает разные «образы» мысли между собой. Он утверждает, что, в отличие от таких «образов», как глина или кирпич, «образ имени» (ὁ ὀνόματος τύπος) недолговечен: «Но что из того, что говорим (τῶν λεγομένων), не разрушается (διαλύεται) вместе с тем, как оно сказано? Ибо произносимое в звуке (слово) (τὰ διὰ τῆς φωνῆς προφερόμενα) мы не можем сохранить неразрушимым (ἀδιάλυτα) в *образе*²⁰ слова (τοῦ λόγου τύπωσιν), однажды образовавшемся в устах (γενομένην ἐν τῷ στόματι), как сохраняется выработанное из глины или кирпичей; но вместе с тем, как в звуке произнесено слово (προενήνεχται διὰ τοῦ φθόγγου ὁ λόγος), сказанного уже нет (τὸ ῥηθὲν οὐκ ἔστι), потому что, по разлианию снова в воздухе дыхания звука (τοῦ τῆς φωνῆς πνεύματος) в том месте, в котором последовало излияние звука (τῆς φωνῆς ἢ ἀνάχυσις), уже не отпечатлевается (ἐνετυλώθη) никакого следа того, что сказано (τῶν εἰρημένων)»²¹. Итак, в слове (λόγος) имя и ум связаны отношением «по образу». Святитель этим показывает, что ум и имя нетождественны по естеству (ум имеет нетелесную природу, а «образ имени» — природу не-умную), но тождественны по свойствам, то есть имя способно *являть* мысль.

В анализируемом фрагменте содержится еще один важный тезис учения святителя о слове (λόγος). Согласно ему, «образ имени» не остается неразрушимым и твердым (ἀδιάλυτον καὶ παγίαν), то есть «ни от какого слова не остается ничего существенного после произнесения» (μηδεμιᾶς ὑποστάσεως ἐν οὐδενὶ λόγῳ μετὰ τὴν προφορὰν διαμενούσης)²². Здесь важно указание, что никакой «ипостаси» (μηδεμιᾶς ὑποστάσεως), то есть самостоятельного бытия, не остается после произнесения слова (λόγος). Свт. Григорий учит, что слово (λόγος) человека неипостасно. Именно поэтому в вышеприведенном фрагменте из «Большого огласительного слова» о Слове (Λόγος) Божиим святитель говорит, что Оно отличается от Ума по «ипостаси» (τῷ μὲν ὑφεστάναι καθ' ἑαυτὸν διήρηται πρὸς ἐκεῖνον, παρ' οὗ τὴν ὑπόστασιν ἔχει), а о слове (λόγος) человека употребляет другой термин — инаково от ума «в подлежащем» (ἕτερον τῷ ὑποκειμένῳ ἐστίν).

Неипостасность нашего слова (λόγος) — тот пункт, который не входит в его аналогию Слову (Λόγος) Божию. Для свт. Григория «не иметь ипостаси» слову

¹⁸ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 384 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 1012; GNO. Vol. 1: 314.17–18).

¹⁹ На этом основании С. В. Троицкий, анализируя учение Церкви о священных символах, верно замечает: «Между именами Божиими и иконами нет различия ни по происхождению, ни по существу. Источник происхождения их один — ἐπίνοια человека, человеческое искусство, почему св. Григорий Нисский сравнивает искусство изобретать имена с искусством живописи. И по существу и имя Божие, и икона Божия есть одно и то же, так как то и другое есть изображение Бога, почему имя можно назвать иконой. <...> Различие между именем и иконой состоит лишь в том, что наше искусство при создании и восприятии этих двух видов изображения пользуется различными органами: в первом случае — органами голоса и слуха, во втором — органами движения и зрения» (Троицкий. Указ. соч. С. 134).

²⁰ ТСО: *форме*.

²¹ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 281–282 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 924; GNO. Vol. 1: 238.29–239.8).

²² Там же. 12. 2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 282 (PG 45. Col. 924–925; GNO. Vol. 1: 239.11–14).

(λόγος) означает существовать только в «уме и письмени». Поэтому от противного строит Нисский святитель свое доказательство ипостасности Слова (Λόγος) Божия в «Слове против Ария и Савеллия»: «Слово же означает единосущную с Отцом ипостась (τὸ δὲ ὁ λόγος τὴν ὁμοούσιον ὑπόστασιν πρὸς τὸν πατέρα δείκνυσιν). А дабы мы не думали, что Сын некогда был не являемым, сокрываясь в Отце (ἀφανῆς ἦν ἐν τῷ πατρὶ κρυπτόμενος), и дабы не представляли себе Слово не произнесенным и внутренним (μὴ προφορικὸν λόγον καὶ ἐνδιάθετον ὑπολαμβάνωμεν) (ибо такого рода Слово, не имеющему в Себе ипостаси, в каком уме или в каком письмени надлежало иметь свое бытие? (τὸν γὰρ τοιοῦτον λόγον ἐν τινὶ εἶναι χρὴ ἐννοίᾳ ἢ ἐν γράμματι καθ' ἑαυτὸν ὑπόστασιν οὐκ ἔχοντα)): то Иоанн сказал: *и Слово* *бе* не в Боге, но *у Бога*, означая сим особую ипостась, сущую у Слова от существа Отчего (ιδίαν ὑπόστασιν ἐπιγράφων τῷ λόγῳ ἐκ πατρικῆς οὐσίας ὑφ' ἐστῶσαν)»²³. То есть если бы Слово (Λόγος) Божие было неипостасно, то Оно должно было бы существовать «в уме и письмени», а раз Его существование в Боге не таково, то Оно ипостасно. Видим также, что свт. Григорий твердо отвергает привнесенное в христианское богословие антропологическое учение стоиков о «слове внутреннем» (λόγος ἐνδιάθετος) и «слове произнесенном» (λόγος προφορικός)²⁴. Этот полученный в богословии вывод святитель применяет к слову (λόγος) человека: между нетождественными по естеству умом и именем, связанными «по образу», также не может быть смешанных или переходных ступеней. Верно замечает чешская исследовательница творений святителя Л. Карфикова: «И даже человеческое мышление Григорий не называет некоей внутренней “речью”, но только “движением мысли”»²⁵. Архипастырь отвергал всякие промежуточные образования между умом и именем, поскольку в лице ариан видел тот вред, какой они наносят учению о Слове (Λόγος) как явлению Отца.

Ум (νοῦς), с одной стороны, обуславливает неипостасность слова (λόγος), а с другой — именно он придает словесному примышлению человека существенный характер. Пусть звуковое «подлежащее» слова (λόγος) исчезает после явления, но с рассеянием звука не исчезает мысль, явленная в имени. Слово (λόγος) не сводится только к «образу имени». Этот тезис свт. Григорий раскрывает в полемике с Евномием, который определял словесное примышление всецело как «разрешение звука» (τῇ διαλύσει τῆς φωνῆς)²⁶. Согласно ему, вместе с самими звуками рассеивается (συνδιαλύεσθαι) «сказанное по примышлению» (τὰ καθ' ἐπίνοιαν λελεγμένα) и «не остается словом» (μὴ μένειν λόγον), поэтому, делает он вывод, не следует использовать слова «по примышлению». Свт. Григорий возра-

²³ Свт. Григорий Нисский. Слово против Ария и Савеллия 10 // ТСО. Т. 44 (Ч. 7). С. 15–16 (Adversus Arium et Sabellium // PG 45. Col. 1296; GNO. Vol. 3.1: 81.10–18).

²⁴ Согласно В. И. Несмелову, «свт. Григорий счел необходимым изгнать из богословия древнее учение о — λόγος προφορικός и λόγος ἐνδιάθετος, потому что эти понятия, по его мнению, не столько разъясняют дело, сколько запутывают его, — да притом же еще и противоречат ясному учению евангелиста Иоанна» (Несмелов В. И. Догматическая система святого Григория Нисского. Казань, 1887. С. 243).

²⁵ Карфикова Л. Имена и вещи согласно Евномию Кизическому и Григорию Нисскому / И. Г. Бей, пер. // Еἶνα: Проблемы философии и теологии. 2012. № 1 (001). С. 291.

²⁶ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 283 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 925; GNO. Vol. 1: 240.3).

жал, что абсолютно всё сказанное рассеивается, нет слов (λόγοι) не «по примышлению», и Евномий «не в состоянии будет доказать, что и самая нерожденность, которую он исключает из области примышления (τὴν ἀγεννησίαν, ἣν ἐξαίρει τῆς ἐπινοίας), остается неразрушимую и твердою (ἀδιάλυτον καὶ παγίαν) после произнесения, так как речение, посредством звука (τῆς διὰ τοῦ φθόγγου ῥήσεως) вышедшее из уст, не остается в воздухе»²⁷. Евномий от разрушимости звука умозаключал о несостоятельности мысли (ἀσύστατον) и, значит, всего примышления в целом. Свт. Григорий возражал, что разрушимость имени не свидетельствует о «разрушимости» мысли, которая остается в уме посредством памяти: «Ибо при всяком слове, произносимом при помощи какого бы то ни было звука (λόγου τοῦ διὰ τινος ἤχου προφερομένου), бывает переход дыхания, передающего звук в то, что ему сродно, а смысл *речений*²⁸ (ὁ δὲ τῶν ῥηθέντων νοῦς) напечатлевается (ἐγχαράσσεται) посредством слуха в памяти (τῷ μνημονικῷ), в душе слушающего, будет ли то смысл истинный, или неверный (εἴτε ἀληθὴς εἴτε διεσφαλμένος)»²⁹. Иными словами, словесное примышление рассеивается только скоротечным звуком, а ум (νοῦς) («смысл») напечатлевается в памяти. Поэтому, заключает святитель, «пошло» такое толкование примышления (ψυχρὰν τῆς ἐπινοίας τὴν ἐρμηναίαν), не усматривающее «существенности» слова (λόγος) ни в звуке, ни в мысли, которое проводит этот «сочинитель» (ὁ λογογράφος). А «разумный послушатель (ὁ συνετὸς ἀκροατὴς) (Ис 3:3)» отвергнет это без-умное учение о примышлении (τὴν ἀδιανόητον αὐτὴν τῆς ἐπινοίας φυσιολογίαν), поистине разрушимое и несущественное (ὄντως διαλυτὴν αὐτὴν καὶ ἀνυπόστατον), и обратится к «силе, заключающейся в речении (τῆς ἐγχειμένης τῆ λέξει δυνάμεως)»³⁰. Таким образом, «сила», или существенность слова (λόγος), заключается в уме (νοῦς). Слово (λόγος), будучи единосущно уму, а значит, не имея другой сущности, чем сущность ума, является, с одной стороны, непостасным (не существующим самим по себе отдельно от ума), а с другой — существенным (существующим в уме).

Звуки изобретает само слово (λόγος), то есть умная его сторона: «<...> звуки, служащие для распознавания существующих вещей (τὰς δὲ γνωριστικὰς τῶν ὄντων φωνάς), посредством которых *слово*³¹ означает (ἐπισημειοῦται ὁ λόγος) каждую

²⁷ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // TCO. Т. 43 (Ч. 6). С. 282 (PG 45. Col. 924–925; GNO. Vol. 1: 239.12–16).

²⁸ TCO: *слов*.

²⁹ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // TCO. Т. 43 (Ч. 6). С. 283 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 925; GNO. Vol. 1: 239.26–240.1).

³⁰ Там же. 12.2 (13) // TCO. Т. 43 (Ч. 6). С. 283 (PG 45. Col. 925; GNO. Vol. 1: 240.4–10).

³¹ TCO: *разум*. Передача в антропологических контекстах греческого термина свт. Григория λόγος (и производных от него) по отдельности то как *разум*, то как *речь* вызвана вполне понятным стремлением переводчиков к упрощению его значения. Однако, на наш взгляд, такой перевод не соответствует комплексному представлению о λόγος'е самого свт. Григория Нисского, который в антропологических контекстах под λόγος'ом подразумевает антиномичное *единство* являемого ума и являющего его имени. В отношении термина святителя λόγος необходимо всегда выдерживать логику «троичного догмата», неизменно выдерживаемую самим свт. Григорием Нисским: λόγος — одно и то же с умом, но включает в себя еще и «подлежащее» имени категориальной нестрогости и непоследовательности. Подразумевая во всех контекстных употреблениях данное комплексное определение свт. Григорием λόγος'а, мы единообраз-

порознь, чтобы дать точное и неслитное познание (διδασκαλίαν) о ней, суть дело и изобретение способности слова (τῆς λογικῆς δυνάμεως ἔργα τε καὶ εὐρήματα), самая же сия способность слова (τὴν λογικὴν δύναμιν) и естество (наше) есть дело Божие. <...> дар слова (τὸ λογικὸν) находится у всех людей»³². Слово (λόγος) обозначает представления о вещах звуками, изобретенными словесной (λογικῆς), «разумной», силой: «Изобретение речений (τὰς δὲ τῶν ῥημάτων εὐρέσεις) относим к силе *слова*³³ (εἰς τὴν λογικὴν δύναμιν), данной Богом естеству человеческому»³⁴. Примишление звука для свт. Григория, или именование, это один из «способов словесной деятельности» (μέθοδον λογικῆς ἐνεργείας) наряду с познанием³⁵. Если само имя, то есть телесная сторона слова, изобретается умом, то слово (λόγος) по преимуществу умный, а не вещественный феномен. Утверждая нетождественность имени и ума по естеству, святитель тем не менее возводит имя к уму. Ключом к соотношению ума и имени (и так называемой проблеме «внутренней речи»), на наш взгляд, является понимание свт. Григорием соотношения ума и тела в человеке. Тело, с одной стороны, нетождественно уму по естеству, а с другой — является одушевленным орудием самого ума.

На основании дарованной человеку способности явления ума посредством тела, то есть дара примышления (ἐπίνοια), Нисский архипастырь твердо опровергает также представление Евномия о том, что, вложив в человека слово (λόγος), Бог якобы не сообщил ему силы именованья и Сам, «сидя пред первозданными, как бы какой детоводитель или грамматик (παιδαγωγὸν ἢ γραμματιστὴν), преподает учение о *речениях*³⁶ и именах (ῥημάτων τε καὶ ὀνομάτων ὑφηγεῖσθαι διδασκαλίαν)», будто бы первые люди, «если бы не были научены, как каждая из вещей нарицается и именуется (λέγεται τε καὶ ὀνομάζεται), жили бы вместе безгласно и бессловесно (ἄλογα καὶ ἀφώνια), и ничего, говорит, полезного для жизни не совершили бы, так как мысль (τῆς διανοίας) каждого была бы неизвестна по причине недостатка знаков (σημαινόντων), то есть *речений*³⁷ и имен (ῥημάτων δηλαδὴ καὶ ὀνομάτων)»³⁸. Свт. Григорий считает безумием думать, что в слове (λόγος) человека недостаточно «силы для всякого способа *словесной*³⁹ деятельности (δύναμιν πρὸς πᾶσαν μέθοδον λογικῆς ἐνεργείας)»: «А мы говорим, что Сотворивший все премудростью и Давший жизнь этому *словесному*⁴⁰ созданию (τὸ λογικὸν τοῦτο πλάσμα) одним тем, что ниспослал в природу *слово*⁴¹ (τὸν

но переводим его лексемой *слово*, избегая тем чуждой святителю категориальной непоследовательности.

³² Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 364 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 993; GNO. Vol. 1: 298.13–18).

³³ ТСО: *разума*.

³⁴ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 344 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 976; GNO. Vol. 1: 282.22–24).

³⁵ Там же. 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 422 (PG 45. Col. 1044; GNO. Vol. 1: 343.1–2).

³⁶ ТСО: *словах*.

³⁷ ТСО: *слов*.

³⁸ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 421 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 1044; GNO. Vol. 1: 342.19–29).

³⁹ ТСО: *разумной*.

⁴⁰ ТСО: *разумному*.

⁴¹ ТСО: *разум*.

λόγον), вложил всю *словесную*⁴² силу (πᾶσαν τὴν δύναμιν τὴν λογικὴν)⁴³. Иными словами, наречение имен принадлежит уму как слову (λόγος), то есть *уму, являющему себя*, не меньше, чем познание. По характеристике свт. Григория, единое действие познавательно-выразительного слова (λόγος) человека, или способности примышления, или являющего себя ума, состоит в следующем: «...разумная сила души (τὴν διανοητικὴν τῆς ψυχῆς δύναμιν), происшедши таковою от Бога, затем сама собою движется и взирает на вещи (κινεῖσθαι καὶ πρὸς τὰ πράγματα βλέπειν), а для того чтобы знание (ἡ γνῶσις) не потерпело никакой слитности, налагает (ἐπιβάλλειν) на каждую из вещей (τῶν πραγμάτων), как бы какие клейма (σήμαντρά), обозначения посредством звуков (τὰς διὰ τῶν φωνῶν ἐπισημειώσεις)⁴⁴. Ум «взирает на вещи» и на это «знание» вещей налагает звуки. В познавательном и именуемом движении перед нами ум, являющий себя посредством тела, то есть слово (λόγος). Познание и именование совместно определяют достаточность и полноту ума человека как слова (λόγος).

Само использование имен, как утверждает свт. Григорий Нисский, является свидетельством немощи нашего ума. Имена «научают» человека о предметах (διδασκαλίαν τῶν πραγμάτων), а научения требует только неведущий (μόνον δὲ τὸ ἀγνοοῦν ἐπιδεές ἐστι τοῦ διδάσκοντος)⁴⁵. Человеку в силу его ограниченности временным и пространственным «промежутком» (διάστημα) невозможно ведать всё сущее в совокупности, поэтому ему дана память, чтобы сохранять познанное⁴⁶. Согласно святителю, память не слитна только тогда, когда хранит представления о сущем, «обозначенные именами»: «Но сохраниться раздельное памятование (ἀσύγχυτον τὴν μνήμην) в нас иначе не может, если обозначение именами заключающихся в нашем разуме предметов не даст нам средства отличать их один от другого (μὴ τῆς τῶν ὀνομάτων σημασίας διαστελλούσης ἀπ' ἀλλήλων τὰ ἐναποκειμένα τῇ διανοίᾳ πράγματα). Богу все присуще, и Ему не нужно что-либо помнить, поелику Он все обдержит и созерцает Своею всепроницающею силою (πάντων τῇ διορατικῇ δυνάμει περικρατουμένων τε καὶ θεωρουμένων). Итак, какая Ему нужда в речении или имени, когда самая находящаяся в Нем мудрость и сила, неслитно и раздельно объемлет естество сущего (τίς οὖν ἐπ' αὐτοῦ χρεία ῥήματος ἢ ὀνόματος, αὐτῆς τῆς ἐν αὐτῷ σοφίας τε καὶ δυνάμεως ἀσύγχυτόν τε καὶ διακεκριμένην τὴν τῶν ὄντων φύσιν περιεχούσης)? Итак, все сущее и существующее — от Бога, а для нашего руководства к тому, что существует, прилагаются имена, означающие предметы (οὐκοῦν παρὰ θεοῦ μὲν τὰ ὄντα καὶ ὑφεστῶτα πάντα, τῆς δὲ ἡμετέρας ἔνεκεν ὀδηγίας ἔλεστι τοῖς οὔσι τὰ σημειωτικὰ τῶν πραγμάτων ὀνόματα)⁴⁷. Трактовка свт. Григорием имени как средства хранить и отличать познанные предметы свидетельствует не о самоценности имен, а об относительной и вспомогательной — дидактической (διδασκαλίαν) и мнемонической (ἀσύγχυτον τὴν μνήμην) — их ценности по отношению к познавательной дея-

⁴² ТСО: *разумную*.

⁴³ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 422 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 1044–1045; GNO. Vol. 1: 343.7–10).

⁴⁴ Там же. ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 422–423 (PG 45. Col. 1045; GNO. Vol. 1: 343.20–25).

⁴⁵ Там же. ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 331 (PG 45. Col. 965; GNO. Vol. 1: 273.20–23).

⁴⁶ Там же. ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 377 (PG 45. Col. 1005; GNO. Vol. 1: 309.16–18).

⁴⁷ Там же. ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 377–378 (PG 45. Col. 1005; GNO. Vol. 1: 309.18–29).

тельности ума. Дидактико-мнемотехническое назначение языка является свидетельством «немощи» нашего ума, состоящей в том, что мы нуждаемся в телесных подпорках имен, чтобы взойти к умному образу вещи (εἶδος).

Явление твари предстает в нашем уме в «движениях мысли» (τῆς διανοίας κινήμασιν), «различениях понятий» (τὰς τῶν νοημάτων διαφορὰς), представляющих собой по отношению к самой твари точные ее мысленные «образы» (εἶδος). Имена запечатлевают именно эти отдельные «движения мысли» (τῆς διανοίας κινήμασιν), или понятия: «...мы, при помощи некоторых *речений*⁴⁸ и слогов, *отобразили*⁴⁹ различения понятий (ῥήμασι τισι καὶ συλλαβαῖς τὰς τῶν νοημάτων διαφορὰς ἐτυλώσαμεν), *посредством слова образами*⁵⁰, как бы начертывая некоторые знаки и приметы на различных движениях мысли (οἷόν τινα σήμαντρα καὶ χαρακτῆρας τὰς διὰ τοῦ λόγου τυλώσεις τοῖς τῆς διανοίας κινήμασιν ἐπιγράψαντες), так, чтобы при помощи звуков, приспособленных к (известным) понятиям, ясно и раздельно выразить происходящие в душе движения (ὥστε τῶν ἐγγινομένων τῇ ψυχῇ κινήματων τρανῆν καὶ ἀσύγχυτον ποιεῖσθαι τὴν δῆλωσιν διὰ τῶν ἐφηρμοσμένων τοῖς νοήμασι φθόγγων)»⁵¹. «Движения мысли» с целью быть выраженными запечатлеваются словом (διὰ τοῦ λόγου) в образах (τυλώσεις), то есть именах, выступающих знаками (σήμαντρα), приметами (χαρακτῆρας) мыслей. Диастематичность (τὴν διαστηματικὴν ἔννοιαν)⁵², то есть способность схватывать отдельные признаки, оказывается общей как познанию, так и именованию, что свидетельствует о диастематичности слова (λόγος) человека в целом. Вот почему свт. Григорий называет слово «разделяющим» (ὁ διαίρων λόγος): «разделяющее слово» усматривает в сущем отдельные свойства и отдельно именуется каждое из них. Свт. Григорий иллюстрирует данную мысль примером: «Но поелику большая часть вещей, усматриваемых в творении, имеют не простое естество (τὰ πολλὰ τῶν ἐν τῇ κτίσει θεωρουμένων οὐχ ἀπλῆν ἔχει τὴν φύσιν), так чтоб предмет мог быть вполне выражен *речением*⁵³ (ὡς ἐνὶ ῥήματι δυνατῶς ἔχειν ἐμπεριληφθῆναι τὸ ὑποκειμένον) (так, в огне: иное здесь предмет, по своей природе подлежащий названию (ἄλλο μὲν ἐστὶ τῇ φύσει τὸ ὑποκειμένον πρᾶγμα), и иное — название, обозначающее предмет (ἕτερον δὲ τὸ σημαντικὸν τοῦ πράγματος ὄνομα); первый есть нечто светящее, жгущее и истребляющее то вещество, которое охватит, а название (τὸ δὲ ὄνομα) есть некий короткий звук (φωνή τις βραχεῖα), выражаемый одним слогом: πῦρ; то посему слово, разделяя (ὁ διαίρων λόγος) усматриваемые в огне силы и качества (τὰς ἐν τῷ πυρὶ θεωρουμένας δυνάμεις τε καὶ ποιότητας), каждое именуется особенно (ἐκάστην ἰδίως κατονομάζει), и, как мы прежде сказали, никто не скажет, что дано только одно имя (ὄνομα μόνον ἐπιβεβλήσθαι) огню, когда поименовывает или светлость или истребительность или другое какое из замечаемых в нем качеств (τῶν περὶ αὐτὸ θεωρουμένων); потому что эти назва-

⁴⁸ ТСО: *слов.*

⁴⁹ ТСО: *образовали.*

⁵⁰ ТСО: *сочетаниями слов.*

⁵¹ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 331–332 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 965; GNO. Vol. 1: 273.31–274.5).

⁵² Он же. Точное истолкование Экклесиаста Соломона 7 // ТСО. Т. 38 (Ч. 2). С. 331 (In Ecclesiasten // PG 44. Col. 729; GNO. Vol. 5: 412.10).

⁵³ ТСО: *словом.*

ния служат для обозначения (σημαντικάί εἰσιν αἱ τοιαῦται φωναί) естественно принадлежащих ему свойств (τῶν γὰρ ἐν αὐτῷ φυσικῶς ἐγκειμένων δυνάμεων)⁵⁴. Итак, сущее имеет «не простое естество», которое могло бы быть охвачено словом в одном имени. Естество сущего разделяется словом на отдельные силы и качества, понятия о которых выражаются отдельными именами.

Сущее выступает данностью, детерминирующей слово (λόγος) человека, в том смысле, что «движение мысли» представляет собой подлинный *образ* (εἶδος) сущего. Однако слово (λόγος) также есть результат свободы примышляющего человека. Слово (λόγος) свободно, во-первых, в «разделении» сущего на свойства, то есть в характере познания, а во-вторых — в именовании этих свойств⁵⁵. Данной свободой именованья обусловлена возможность разнообразия имен при единообразии самой мысли (νοῦν): «С изменением формы речения кажутся различными между собою, но смысл выражений остается один и тот же (ὥστε τὰ μὲν ῥήματα δοξεῖν τῇ τοῦ σχήματος ἐξάλλαγι διαφόρως ἔχειν πρὸς ἄλληλα, τὸν δὲ νοῦν τοῖς λεγομένοις ἓνα καὶ τὸν αὐτὸν διαμένειν)⁵⁶. Изменяемую совокупность имен по отношению к единой мысли (νοῦν) свт. Григорий называет «формой», или «внешним видом» (σχῆμα): «Так и прочие имена, при известном изменении значения, пригодны для выражения того же смысла (οὕτω καὶ τὰ λοιπὰ τῶν ὀνομάτων τῇ ποιῶ μεταλήψει τῆς σημασίας πρὸς ἑκατέραν τὴν ἔμφασιν ἐπιτηδείως ἔχειν φαμέν) <...> так что, при изменении внешнего вида наименований, благочестивая мысль о подлежащем (наименованию) остается неизменною (ὥστε τοῦ σχήματος τῶν ὀνομάτων ὑπαλλασσομένου τὴν εὐσεβῆ περὶ τὸ ὑποκείμενον διάνοιαν μένειν ἀκίνητον). Одно и то же — наименовать Бога непричастным злу и назвать Его благим; исповедать Его бессмертным и назвать Его живущим вовеки. Ибо в этих выражениях, по их смыслу, мы не представляем никакого различия, но каждым из них означаем одно и то же (οὐδεμίαν γὰρ ἐν τούτοις κατὰ τὸ σημαίνόμενον

⁵⁴ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 373–374 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 1002; GNO. Vol. 1: 305.26–306.12).

⁵⁵ Данную познавательную-выразительную свободу человека А. В. Вдовиченко называет «предикацией», или «дектическим синтаксисом»: «Несмотря на причастность предметной области, реальная предикация (актуальное “говорение”) в стадии создания *свободно*, поскольку сознание свободно в выборе возможностей предикирования. Эти возможности реализуются в назначении подлежащих высказыванию объектов и их связей, в комбинировании мыслимых обстоятельств, установлении актуальных целей речевого действия, определении собственной роли в данном коммуникативном пространстве, использовании тех или иных вербальных клише, в вовлечении невербальных средств в коммуникативный процесс, и др.» (Вдовиченко. Грекоязычные... С. 483); «Так, если самые общие фреймные знания свойственны громадному большинству людей и, соответственно, в каком-то смысле “гуманитарно объективны” (так, любой человек, независимо от культурной традиции, видит, слышит, ходит, дышит, думает и т. д., формируя соответствующие концепты в сознании), то преломление этих знаний и конкретная предикативная фокусировка содержания фрейма в реальной речевой ситуации всегда полагаются в индивидуальной сфере дектики» (Там же. С. 492). Всегда индивидуальная «дектика», то есть свобода «разделяющего логоса», не исключает взаимопонимания людей благодаря общей всем самой природе логоса («мыслимой коммуникативной типологии»).

⁵⁶ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 318 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 956; GNO. Vol. 1: 265.4–6).

διαφορὰν ἐννοοῦμεν, ἀλλ' ἐν δι' ἑκατέρων τῶν λόγων ἀποσημαίνομεν)»⁵⁷. Такую перемену формы, то есть имен, при единообразии мысли свт. Григорий называет «преображением» (μετασχηματισμοῦ) слова (λόγος): «Ибо, как сказано, возможно, при помощи изменения значений изменять смысл наименований в противоположный (διὰ τῆς τῶν σημασινομένων ὑπαλλαγῆς μεταλλάξει πρὸς τὸ ἐναντίον τὰς τῶν ὀνομάτων ἐμφάσεις), и посредством некоторого *преображения*⁵⁸ формы (διὰ τινος μετασχηματισμοῦ) означать присущее Богу даже таким именем, которое до толе было несоответственно Ему; а другим можно означать другое»⁵⁹. «Преображение» слова (λόγος) возможно в силу изменения «формы», то есть при различном именовании одной и той же мысли, но не при изменении самой мысли. Изменение мысли будет не «преображением» слова (λόγος), а заменой его другим словом (λόγος). Очевидно, что учение свт. Григория Нисского о преобразении слова (λόγος) является ключом к проблеме перевода. При переводе с языка на язык мысль остается одной и той же, а меняется форма имен. Существование разных форм имен («языков») обусловлено свободой ума изобретать звуки.

Отношение, связывающее образ имени с «движением мысли», называется свт. Григорием «семантическим» (σημαντική), то есть отношением обозначения. Звук «обозначает» (σημαίνει) «движение мысли»: «Всякое слово (λόγος), то есть истинное слово (ἀληθῶς λόγος), есть звук, обозначающий (σημαντική τίς ἐστι φωνή) какое-либо движение мысли (τῶν κατ' ἐννοίαν κινήματων)»⁶⁰. Обозначение — это связь, устанавливаемая словом (λόγος) между мыслью и именем. В силу данной связи с произнесением звуков является мысль, «запечатленная» в них (τὸ εἶδος ἐνετυλώσατο): «...все, существующее в твари, постигается по значению имен (διὰ τῆς τῶν ὀνομάτων σημασίας περιλαμβάνεται). Кто скажет: небо, тот разумение слышащего приводит (τὴν διάνοιαν τοῦ ἀκούοντος ἤγαγε) к твари, сим именем *являемой*⁶¹ (ἐπὶ τὸ δηλούμενον ὑπὸ τοῦ ὀνόματος κτίσμα); и о человеке или каком-либо живом существе упомянувший по имени (μνησθεὶς ἐπ' ὀνόματος), немедленно в слышащем отпечатлевает образ существа (τὸ εἶδος ἐνετυλώσατο); а также и все прочее приданным вещи именем (διὰ τῶν ἐπιχειμένων ὀνομάτων) живописуется (ἐνζωγραφεῖται) в сердце того, кто посредством слуха принял в себя название (τὴν προσηγορίαν), какое имеет вещь (τὴν ἐπιχειμένην τῷ πράγματι)»⁶². Итак, *образ* имени (τύπος) «обозначает», «отпечатлевает», «живописует», то есть являет в уме слушающего *образ* вещи (εἶδος). Отсюда следует, что имя есть *образ образа* — чувственный образ мысленного образа вещи. Если связь между вещью и ее мысленным образом — это познание, то связь между мысленным образом и образом имени — это обозначение. Поскольку вещь, мысль и имя последовательно связаны между собой отношением «по образу», то познание и обозначение —

⁵⁷ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 317 (PG 45. Col. 953; GNO. Vol. 1: 264.11–22).

⁵⁸ ТСО: *изменения*.

⁵⁹ Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 318 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 956; GNO. Vol. 1: 264.29–265.1).

⁶⁰ Там же. ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 488 (PG 45. Col. 1101; GNO. Vol. 1: 393.14–15).

⁶¹ ТСО: *означаемой*.

⁶² Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 2.3 // ТСО. Т. 41 (Ч. 5). С. 271 (Contra Eunomium // PG 45. Col. 473; GNO. Vol. 2: 318.7–15).

это две разновидности одной связи явления (φανέρωσις). Наконец, трактовка значения слова как связи явления показывает, что значения нет по отдельности ни в имени, ни в уме. Значение возникает только при явлении ума в имени, то есть при установлении словом (λόγος) связи между ними. Как в уме, не являющем себя, нет значений, так нет их и в именах, не являющих «движения мысли».

Явление (φανέρωσις) мысли в образе имени характеризуется свт. Григорием как ее «истолкование» (ἐρμηνεία) и «возвещение» (ἀγγελία). Так, согласно святителю, имя имеет истолковательную по отношению к мысли силу (ὄνομα... τῶν... νοουμένων ἐρμηνευτικὸν εἶναι)⁶³. В звуки вложено толкование значения (τῆς ἐγκειμένης ταῖς φωναῖς σημασίας ἐρμηνείαν)⁶⁴. Примишление понятиям имен представляет собой их «истолкование, описание и изложение (ἐρμηνείαν τινὰ καὶ ὑπογραφὴν καὶ ἐξήγησιν)»⁶⁵. Слово (λόγος) «возвещает» движения души⁶⁶. Истолковательный характер рождения слова (λόγος) от ума свт. Григорий также вводит в аналогию его Слову (Λόγος) Божию. «Но как наше слово бывает предъявителем и вестником движений умственных (ἀλλ' ὡσπερ ὁ ἡμέτερος λόγος τῶν τοῦ νοῦ κινήματων μηνυτῆς τε καὶ ἄγγελος γίνεται): так и о сущем в начале, истинном Слове, говорим, что оно, как возвещающее волю Своего Отца, именуемое по деятельности вестника, называется Ангелом (οὕτω φαμέν καὶ τὸν ἀληθινὸν λόγον τὸν ἐν ἀρχῇ ὄντα διαγγέλλοντα τοῦ ἰδίου πατρὸς τὴν βουλὴν τῇ ἐνεργείᾳ τῆς ἀγγελίας ἐπονομαζόμενον ἄγγελον λέγεσθαι). <...> ибо, называя Ангелом, Писание учит о Слове — истолкователе Отчей воли (διὰ μὲν τοῦ ἀγγέλου τὸν ἐρμηνέα τοῦ πατρικοῦ βουλήματος λόγον τῆς γραφῆς διδασκούμενον)»⁶⁷. Тем самым имя — не внешняя безразличная форма для мысли (как и одушевленное тело — для ума), а внутренне обусловленный самой мыслью ее образ. Именно поэтому «выразительность речений», согласно святителю, «приближает» нас к самой «силе мыслимого»: человек «соответственно рождающемуся у каждого разумению о предмете (κατὰ τὴν περὶ τὸ ὑποκείμενον διάνοιαν), сколько то возможно, выражает мысль, приближаясь к силе мыслимого через выразительность речений (ἐγγίζοντες ὡς ἔνι μάλιστα τῇ δυνάμει τῶν νοηθέντων διὰ τῆς τῶν ῥημάτων ἐμφάσεως)»⁶⁸. Как перефразирует это положение свт. Григория французский исследователь Б. Потье, «именно сила объекта, о котором думают, придает словам их собственную динамику»⁶⁹. Данная «динамика» имени состоит в истолковании собою мысли. В истолковании, или явлении, проявляется не что иное, как соответствие образа имени своему прообразу — мысли. Истолкование и можно определить как

⁶³ Свт. Григорий Нисский. К Авлавию о том, что не «Три Бога» // ТСО. Т. 40 (Ч. 4). С. 117 (Quodnonsinttresdii, adAblabium // PG 45. Col. 121; GNO. Vol. 3.1: 43.1).

⁶⁴ Там же. ТСО. Т. 40 (Ч. 4). С. 118 (PG 45. Col. 121; GNO. Vol. 3.1: 44.3–5).

⁶⁵ Он же. Опровержение Евномия 3.5 // ТСО. Т. 41 (Ч. 5). С. 415 (ContraEunomium // PG 45. Col. 601; GNO. Vol. 2: 38.17–18).

⁶⁶ Там же. 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 359 (PG 45. Col. 989; GNO. Vol. 1: 294.18–20).

⁶⁷ Там же. 11.3 // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 222–223 (PG 45. Col. 872; GNO. Vol. 2: 278.8–20).

⁶⁸ ТСО: сближая, сколько возможно более, значение речений с сущностью понимаемого (Свт. Григорий Нисский. Опровержение Евномия 12.2 (13) // ТСО. Т. 43 (Ч. 6). С. 489 (ContraEunomium // PG 45. Col. 1104; GNO. Vol. 1: 393.29–394.5).

⁶⁹ Pottier B. Dieu et le Christ selon Grégoire de Nysse. Etude systématique du «Contre Eunome» avec traduction inédite des extraits d'Eunome. Namur, 1994. P. 199.

установление словом (λόγος) соответствия между мыслью и именем. Таким образом, всякая часть истолковательного образа имени (фонема, морфема, лексема, словосочетание, предложение, текст) изобретается впервые умом или актуализируется в памяти для явления мысли не как внешняя и чуждая по отношению к ней, а как обусловленная внутренним ей соответствием. Имя (всякая его часть) имеет умную этиологию.

Таковы основные положения учения свт. Григория Нисского о слове (λόγος) со стороны имени, имеющие методологическое значение для антропоцентрических позиций лингвистического исследования. В частности, важнейшие следствия для теоретизирования лингвистикой собственного предмета исследования имеет учение свт. Григория Нисского о непостасности слова (λόγος) человека. Если слово (λόγος) не имеет самостоятельного существования, то его нельзя наделять автономностью от ума (νοῦς) человека. Ипостасен отдельный человек, а слова (λόγοι) — его умно-телесные действия. Тогда как традиционной лингвистической парадигме свойственно гипостазировать слово, отделяя его от человека и рассматривая как автономный объект, имеющий собственное бытие, то есть отдельную от ума сущность. Если Нисский святитель, утверждая, что слово (λόγος) есть «ничто», приходит к выводу о его непостасности, то языкознание со времен античности⁷⁰, напротив, принимая слово за «нечто», гипостазировало его, то есть наделяет самостоятельным существованием, отдельной от человеческого ума сущностью, обретая такой операцией собственный «предмет» исследования. Однако подлинный лингвистический предмет — это не «имя», и не «в имени ум», который не отсекается от человека и не переходит в имя в качестве «значения», а непосредственно сам «ум, который являет себя в имени». Вне примышляющего человека нет никакого слова (λόγος). Не осуществившись в уме, звуки или графические символы не являются словом (λόγος).

Ключевые слова: слово (λόγος), ум (νοῦς), имя (ὄνομα), «образ имени» (τύπος), мысленный образ (εἶδος), явление (φαινώσις), примышление (ἐπίνοια).

ST. GREGORY OF NYSSA'S DOCTRINE OF HUMAN WORD

G. DYACHENKO

In this article the relevance of the Orthodox dogmatics for linguistics and wider for the Humanities is demonstrated. The st. Gregory of Nyssa's resolution of the problem of word (λόγος) is that corresponding to the contemporary anthropocentric linguistics' requests metaphysical platform which allows to develop the adequate for language facts

⁷⁰ См. историко-критический анализ лингвистического знания в: *Вдовиченко А. В.* Расставание с «языком»: Критическая ретроспектива лингвистического знания. М., 2009.

theoretical model and concretize the methodology and the practice of their analysis. The author ascertains the central role of st. Gregory's analogy from human word to Divine Word for clearing up the specifics of our word. This analogy allowed him to point out the unity of human mind (νοῦς) and word 'in nature' (κατὰ τὴ φύσιν) and the difference of them 'in subject' (τῷ ὑποκειμένῳ). On this base the researcher gives the definition of word as a *manifestation of mind in name*. The non-hypostatic status of word that does not exist separately from mind is also characterized in the article. This fact has a decisive significance for determining by linguistics of its own subject of research. The complex perceptive-expressive ability of human mind acting as a word is shown. Besides, the cognitive etiology of name is analyzed. According to st. Gregory, name is an 'image' (τύπος) for thought. The semantic relation between name and thought is defined as a connection of *manifestation* (φανέρωσις) that is the correspondence in image. The author notes the need for more detailed conceptualization of the linguistic consequences from st. Gregory's theological-philosophical doctrine of word, which have high importance for the whole humanitarian thought.

Keywords: word (λόγος), mind (νοῦς), name (ὄνομα), «image of the name» (τύπος), the mental image (εἶδος), manifestation (φανέρωσις), reflection (ἐπίνοια).

Список литературы

1. Алтаев В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26.
2. Вдовиченко А. В. Грекоязычные библейские тексты в предметной и дискурсивной моделях описания. Дис. ... д-р. филол. наук по спец-тям 10.02.19 — Теория языка и 10.02.14 — Классическая филология. М., 2013.
3. Вдовиченко А. В. «Примышление» и «порождение»: Евномий и каппадокийцы о современных проблемах философии языка // Языковые параметры современной цивилизации: Сб. трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю. С. Степанова / В. З. Демьянков, Н. М. Азарова, В. В. Фещенко, С. Ю. Бочавер, ред. М., 2013. С. 314–321.
4. Вдовиченко А. В. Расставание с «языком»: Критическая ретроспектива лингвистического знания. М., 2009.
5. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX в. // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. М., 1995. С. 239–320.
6. Карфилова Л. Имена и вещи согласно Евномию Кизическому и Григорию Нисскому / И. Г. Бей, пер. // Εἶνα: Проблемы философии и теологии. 2012. № 1 (001). С. 282–306.
7. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53. № 2. С. 3–15.
8. Несмелов В. И. Догматическая система святого Григория Нисского. Казань, 1887.
9. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.
10. Троицкий С. В. Учение св. Григория Нисского об именах Божиих и имябожники / А. Ковтун, К. Шахбазян, сост. Краснодар, 2002.
11. Pottier B. Dieu et le Christ selon Grégoire de Nysse. Etude systématique du «Contre Eunome» avec traduction inédite des extraits d'Eunome. Namur, 1994.